

УДК 167.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-5

Черновицкая Ю. В. | Легитимность насилия в техногенном обществе

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; juchische@rambler.ru

Аннотация. Автором исследуется характерная для современной цивилизации трансформация насилия как способа выживания в «насилие власти», правомерность легитимизации насилия, применение ресурсов информационного сетевого общества, техногенной цивилизации для регулирования внутри- и внешнегосударственных отношений, новых ракурсов управления. Ставится под вопрос правомерность деятельности государств, берущих на себя право определения слабых, гибнущих или неудачных государств как источника современного политического насилия, нестабильности и угроз и осуществления против них «гуманитарных миссий». Рассматриваются такие виды насилия, логически встроенные в систему развития современного техногенного общества, как экономическое, институциональное, информационное. Обращается внимание на эффективность новых технологий для внедрения военных инноваций, развития военного потенциала в поддержку внешнего легитимного государственного насилия. Подчеркивается неспособность современного общества контролировать и регулировать все усложняющиеся информационные системы и склонность власти превентивно оценивать негативные последствия и не допускать возможности их наступления. Механизмы техногенного общества способствуют контролю за легитимностью власти и в то же время предоставляют власти возможность контролировать общество. Поэтому культура мира может послужить новым трендом развития человечества.

Ключевые слова: легитимность насилия; техногенное общество; информационное сетевое общество; экономическое, институциональное, информационное насилие; культура мира

Для цитирования: Черновицкая Ю. В. Легитимность насилия в техногенном обществе // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 61-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-5

Yu. V. Chernovitskaya | Legitimacy of violence in a technogenic society

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; juchische@rambler.ru

Abstract. The author examines the transformation of violence as a way of survival into “violence of power”, characteristic of modern civilization, the legitimacy of its legitimization, the use of resources of the information network society, technogenic civilization to regulate internal and external state relations, and new management perspectives. The legitimacy of the activities of states that claim the right to identify

weak, dying or failed states as the source of modern political violence, instability and threats, and to carry out "humanitarian missions" against them, is called into question. The types of violence that are logically built into the development system of modern technogenic society, such as economic, institutional, and informational, are considered. Attention is drawn to the effectiveness of new technologies for the introduction of military innovations and the development of military potential in support of external legitimate state violence. The inability of modern society to control and regulate increasingly complex information systems and the tendency of the authorities to proactively assess negative consequences and prevent the possibility of their occurrence are emphasized. The mechanisms of a technogenic society contribute both to the control of the legitimacy of power and provide the power with the opportunity to control society. Therefore, a culture of peace can serve as a new trend in the development of humanity.

Keywords: legitimacy of violence; technogenic society; information network society; economic, institutional, information violence; culture of peace

For citation: Chernovitskaya Yu. V. (2024), "Legitimacy of violence in a technogenic society", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 62-74, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-5

Техногенное общество, основывающееся на синтезе науки, техники, технологий, представляет собой изменяющуюся систему материально-производственного, информационного и социального развития, которая перестраивает основания жизнедеятельности человека, его онтологическое восприятие. Техника получает помимо материально-производственного культурный и социальный статусы, происходит интеллектуализация техносферы, при этом актуальны вопросы скорости восприятия и поиска эффективных механизмов адаптации человека к новой реальности.

Насилие как пока неизбежная составляющая жизнедеятельности человечества также подвергается трансформации, эволюционирует вместе с человечеством. Насилие как социальный регулятор и мера демографического баланса (инфантицид, например) приобретает черты политического насилия. «Из насилия как способа выживания (так называемого "низшего насилия") оно трансформируется в "насилие власти", что

является характерной чертой современной цивилизации» (Игнатов, 2021: 134).

Техногенное и информационное общество способствует наделению властью обладателей богатства, знаний и преобразует, маскирует, допускает усовершенствованные формы насилия, делая их «естественными» неизбежными составляющими межкультурного взаимодействия, подводя под их осуществление нормативно-законодательную базу, социально-приемлемое согласие, а также морально-нравственное оправдание.

Современное общество пытается регулировать (к сожалению, как показывают реалии – только законодательно) прямое физическое насилие, которое становится косвенным, структурным, предполагающим насилие в системе (см.: Galtung, 1969), и культурно-поведенческим. Структурное насилие указывает на усиление неравенства от правового, социального, экономического (которое проявляется, например, в бедности, отсутствии доступа к достойной работе либо тяжелых условиях труда в некоторых сферах трудовой деятельности

для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, затрудненном доступе к образованию, досугу и отдыху для отдельных категорий) «до антропологического, биологического и генетического, а также на возникновение в техногенном обществе еще более опасной и новой формы неравенства, связанной с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерциализацией услуг, основанных на биотехнологиях» (Черновицкая, 2022: 30). Культурно-поведенческое насилие наблюдается при провозглашении одной культуры, образа жизни единственно верными, а потому господствующими над другими; при принижении и разрушении либо пассивном недеянии по сохранению самобытности; при ограничении доступа к образованию, реализации прав человека недоминирующего этноса; сюда же можно отнести, наконец, любое моральное подавление человека не только как представителя конкретного этноса, нации, расы, религии, государства, а и как личности, индивидуальности.

Остается актуальным вопрос: может ли такой социально-политический феномен, как насилие, быть легитимным? А.А. Гусейнов дает определение двум подходам к насилию – абсолютистскому и прагматическому (Гусейнов, 1994: 35-41). Абсолютистский подход описывает насилие как абсолютное зло, вопрос легитимности насилия не ставится, насилие не может быть легитимным. Прагматический подход допускает оправдание насилия с целью предотвращения другого насилия, в целях защиты себя / своего окружения – таким образом, ареол использования насилия может стать достаточно всеобъемлющим. В статье Гусейнова идет отсылка к Толстому: «Пока насилие не совершено, никогда нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что оно будет совершено» (Гусейнов, 1994: 36). Поэтому с морально-нравственной точки зрения сложно оправдать совершенное насилие как

попытку предотвращения насилия еще не совершенного. Однако философская практика, описывая социально-политическое устройство общества, опирается на классические тексты, объясняющие допустимость монополии государства и властных структур на легитимное насилие и оправдывающие его. «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» (Вебер, 1990: 646), государство обладает монополией на легитимное физическое насилие на определенной территории (М. Вебер) либо монополией на легитимное физическое и символическое насилие (П. Бурдьё).

Многие исследователи, философы, государственные деятели (например, Н. Макиавелли, К. Маркс, Е. Дюринг, Л. Гумплович, К. Каутский и др.) считали насилие неотъемлемым условием происхождения государства и права, существования гражданского общества. Противоположна точка зрения (например, Х. Арендт, Н. Лумана и др.) (Арендт, 2014; Луман, 2001), что чем больше власть опирается на насилие, – тем она слабее, и тем сильнее, чем больше свобод она предоставляет (не в ущерб себе и обществу), что показывает степень доверия общества власти.

Проследим, как условия техногенной цивилизации способствуют легитимизации насилия, как государство использует эти условия, какие новые ракурсы управления обществом открываются в условиях информационного сетевого общества. Формирование государства связано с экономическими, политическими, правовыми, научными историческими процессами. Современные государства так или иначе берут на себя функции обеспечения интересов общества, каждого гражданина: материальных, интересов безопасности, прав и свобод, при необходимости используя насилие, которое

объявляется легитимным, так как исходит из интересов всего общества для возможности реализации потребностей каждого. Однако зачастую происходит злоупотребление властью, интересы государства, правящей элиты расходятся с интересами населения, власть делегитимизируется.

При отсутствии критерия допустимости насилия, в ситуации противостояния разных государств, определить законность/незаконность насилия вообще невозможно: каждое государство будет отстаивать свое право на легитимизацию своей деятельности. А государства, провозглашающие себя наиболее демократически развитыми, помимо внутригосударственной безопасности берут на себя право регулирования межгосударственных противоречий, объявляя свою деятельность оправданной (например, «гуманитарная интервенция»), а насилие легитимным (например, вводя в другую страну «миротворческие силы»). «Насилие, в том числе и прямое применение военной силы в обход государственных границ и норм международного права, провозглашается одним из необходимых способов утверждения гуманистических ценностей, продвижения в глобальном масштабе принципов свободы, демократии, прав человека» (Сагикязы, 2015: 148).

Предварительно заключенные договоры, подписанные конвенции, законы международного права перестают соблюдаться. «Типичная морально-демагогическая аргументация, применяемая в этом случае, заключается в том, что принцип государственного суверенитета, международное право, в том числе Устав и Хартия ООН и многочисленные конвенции, могут не соблюдаться во имя защиты “гуманистических ценностей свободного мира”» (Сагикязы, 2015: 149).

В случае межгосударственного противостояния в качестве субъекта, в отношении которого возможно применение

насилия, считающегося легитимным, выбирается «слабое, гибнущее или неудачное государство (weak, failing, failed), рассматриваемое в качестве источника современного политического насилия, нестабильности и угроз» (Кравченко, 2014: 165). При этом назначение государства таковым происходит следующим образом (ситуация, допустимая только в техногенном мире, в информационном обществе, так как именно сейчас возможен всеобъемлющий охват аудитории для пропаганды, достаточно развиты средства управления и контроля, а также средства воздействия на противника вплоть до угрозы применения ядерного оружия):

«Вначале изобретаются, формируются и представляются мировому сообществу “убедительные” доказательства наличия угрозы мировой или региональной безопасности, исходящие от избранного государства-жертвы. Затем разворачивается информационная кампания по обоснованию необходимости применения военной силы для ее купирования. В отношении объекта предстоящей агрессии вводятся санкции. На государства, не согласные с данным сценарием, оказывается экономическое и политическое давление. Формируется коалиция заинтересованных стран, готовых применить оружие, создается группировка войск (сил) и осуществляется вторжение» (Зарудницкий, 2023: 12).

Концепция «государств-неудачников» активно пропагандируется с 1993 года, начиная с докладов М. Олбрайт в рамках ООН (Кравченко, 2014: 166), также к ней обращался ряд исследователей (см., напр.: Helman, 1992), где предлагалось возложить на ООН компетенцию регулирования конфликтов в любой точке мира, причем с возможностью превентивного вмешательства.

Ряд террористических актов (основным из которых стал теракт 11 сентября 2001 г.) способствовали

созданию различных организаций – Центра по глобальному развитию в США (Center for Global Development), Американского Фонда мира (Fund for Peace), Центра по изучению кризисных государств (Crisis States Research Center), Комиссии США по национальной безопасности и слабости государств (the Commission on Weak States and US National Security) (см., напр.: Кравченко, 2014: 166-167), а также ряда других организаций, занимающихся изучением «слабых» государств (то есть государств, подвергнутых экономическим кризисам, режим которых – следствие коррупции и неэффективного управления; политическим кризисам, свидетельствующим о пренебрежении властью правами и свободами человека; коррупции судебной системы; с отсутствием гражданского общества и демократии, что ведет к кризисам легитимности официальных властей и активации граждан против существующего режима) и политического насилия. Подчеркивается, что государства со слабым управлением и контролем не способны предотвращать проникновение и распространение на своих территориях транснациональных террористических группировок с целью размещения тренировочных баз, рекрутирования новых членов и т. д.

Принятая в 2002 г. Стратегия национальной безопасности (National Security Strategy..., 2002) определяет, что «Соединенные Штаты будут вынуждены в одностороннем порядке вступать в военное противостояние с государствами-неудачниками каждый раз, когда они будут угрожать американским жизненно важным интересам» (Кравченко, 2014: 168), тем самым не только провозглашая насилие легитимным, но и допуская его превентивность. Как список уязвимых государств, так и решение применения превентивного насилия определяются одним государством или узким кругом государств, не учитывается внутренняя

специфика и самобытность региона, что способствует, на наш взгляд, формированию принципа безнаказанности и произвола со стороны государств, более развитых в техническом, технологическом, военном, информационном планах, обладающих всеми ресурсами и возможностями техногенного общества. Результаты гуманитарных миссий ООН неоднозначны и до сих пор вызывают дискуссии.

Историко-философский анализ негативных составляющих современной цивилизации выявляет скрытые механизмы насилия, эволюцию и трансформацию насилия, логически встроенного в систему развития современного техногенного общества. Существует множество классификаций видов политического насилия (см., напр.: Кречетова, Сатаров, 2015). Помимо физического насилия или его угрозы (запугивания) в рамках интересующей нас темы обратим внимание на экономическое, институциональное и информационное насилие. Физическое насилие в институциональных масштабах – это, например, применение смертной казни, нанесение массовых ракетных ударов, бомбардировки, применение физической силы против мирно настроенных демонстрантов. Эффективное запугивание позволяет власти избежать физического насилия в массовом масштабе.

Экономическое насилие – контроль и регулирование государством хозяйственной деятельности субъектов, бизнеса, прав собственности, создание условий, вынуждающих отказываться от экономической деятельности вплоть до возбуждения уголовных дел. «Россия сейчас являет собой пример тотального нелегитимного экономического насилия. Одно из многих частных следствий – масштабное бегство из страны капиталов и предпринимателей, также насилие сопряжено с высокими экономическими издержками» (Кречетова, Сатаров, 2015: 119, 124). Причем не важно, осуществляется ли оно вне (внешние

войска и вооружение) или внутри (внутренние войска, полиция, другие силовые структуры) страны.

Институциональное насилие – деятельность власти по созданию, отмене, внесению изменений в законодательство. Институциональное насилие проявляет себя, если закон, преследуя политические, идеологические, экономические, любые другие цели, противоречит правам человека (например, Нюрнбергские законы) либо Конституции или существующим уже законам (внесение поправок в Конституцию, законы «постфактум», оправдывающие нелегитимную деятельность властей). «Разрушение института политической конкуренции... уничтожило механизмы внутреннего и внешнего контроля над законодательной деятельностью, результаты которой все чаще выходят за сферу права... В итоге институциональное насилие, оставаясь легальным, становится антиправовым» (Кречетова, Сатаров, 2015: 119). Так, акцентируется внимание на незначительных экономических нарушениях, при этом игнорируется неправомерная деятельность государственных корпораций.

Иногда происходит слияние разных видов насилия. Признавая право человека на мир¹, что включает отказ от военной службы, право на сопротивление и противодействие подавлению, выражается сомнение в правомерности задержания за участие в митингах и шествиях, за выражение своих политических убеждений. «Происходит соединение сегментированного физического политического насилия с массовым институциональным насилием: преследование инакомыслящих поддерживалось принятием законов, ограничивающих применение

конституционных форм выражения протеста» (Кречетова, Сатаров, 2015: 130).

В современном информационном обществе особое место занимает массовая информация и СМИ, мы можем наблюдать проявления информационного насилия, которое рядом исследователей считается одним из самых важных видов политического насилия, так как любому силовому воздействию всегда предшествует информация. Важно соблюдать баланс между установлением контроля над СМИ (как самым массовым источником подачи информации, а соответственно, источником влияния и контроля) и информационной свободой, которая не должна восприниматься как информационная безответственность, создающая пропагандой реальную угрозу основам организации жизнедеятельности государства, общества, личности. СМИ как общественный институт должны подвергаться правовому регулированию.

В техногенном обществе созданы высокотехнологичные условия функционирования государства и власти, но также и гражданского общества и личности. Информационное общество обеспечивает доступ к социально-значимой информации, обеспечивает информационную свободу, но также и раскрывает механизмы властной деятельности, позволяя оценить ее с точки зрения легитимности или нелегитимности.

Основными проявлениями информационного насилия являются предоставление неполной, недостаточной информации, намеренно искаженной информации, фейковых новостей, утаивание информации, информационное давление. Современные информационные технологии способны влиять на параметры восприятия человека, продуцируя девиантные формы поведения. Насилие над

¹ См., например: Декларация Сантьяго о праве человека на мир, принятая в 2010 году Международным конгрессом о праве человека на мир [“The Santiago Declaration on the Human Right to Peace, adopted in 2010 by the International Congress on

the Human Right to Peace”] // Яков Кротов. Опыты [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/ekl/arazia2011.htm (дата обращения: 10.07.2024).

личностью носит информационный характер, «...медиализация и зрелищность оказываются его первостепенными характеристиками: сцену публичной смертной казни в XVII ст. нельзя сравнить со зрелищем террористического акта в начале XXI ст. по своим целям, масштабам, воздействию и размерам аудитории» (Визуальное..., 2007: 5). При превращении СМИ в пропагандистские каналы, контролируемые тоталитарным режимом, отстаивание пространства свободы личности становится небезопасным. Насилие может выражаться в навязывании единственно «правильной» идеологии, единственно верной «официальной истории».

Неизбежным атрибутом цифровой эпохи является формирование новой политико-коммуникационной реальности, определяемой фейк-ньюз и постправдой, когда пользователям преподносится якобы реальность, конструируемая в соответствии с интересами политических акторов, транснациональных корпораций, компаний, планирующих получить экономические выгоды. Соответственно, в области подачи информации также необходимо правовое регулирование. «Именно наличие четко прописанных в законе табу делает возможным административное или уголовное наказание за их нарушение. В свою очередь, предельно расплывчатые и неопределенные формулировки, допускающие произвольную интерпретацию норм права, следует рассматривать как ловушки, расставленные для адресного применения административных санкций в отношении частных лиц и средств массовой информации» (Данюк, Фельдман, 2020: 51).

Эффективные новые технологии позволяют разрабатывать и внедрять военные инновации, развивать военный потенциал вооруженных сил и разрабатывать военные стратегические концепции в поддержку внешнего легитимного государственного насилия.

Современная техника и технологии позволяют проводить интенсивную роботизацию вооружения, применять БПЛА (беспилотные летательные аппараты) не только в хозяйственных (доставка грузов, лекарств и др.) или научных (мониторинг трафика, картография и др.) и иных (чрезвычайные ситуации) целях, а также и в целях военных, минимизирующих участие и опасность для человека (разведывательные цели и цели поражения противника и инфраструктуры). Однако внедрение искусственного интеллекта, прогресс в этой области не только минимизирует человеческое участие, но и «создаст новые уязвимости и может привести к гонке вооружений в данной сфере» (Зарудницкий, 2023: 11).

Информационные технологии, реализуемые в виртуальном пространстве, трансформировали на новом технологическом уровне, представили в новом качестве не оказывающие в прошлом существенного влияния экономические, финансовые, дипломатические инструменты воздействия для достижения стратегических целей. Если сейчас наряду с постоянными армиями (для государств, их имеющих) используются нерегулярные военные формирования, частные военные компании, добровольческие отряды, то возможно использование государствами роботизированных систем, искусственного интеллекта, прокси-войн (война чужими руками на чужой территории), войн информационных и когнитивных (изменение способа конструирования реальности и, как следствие, трансформация сознания индивидов и общества в целом с целью переосмысления критически важных позиций), ментальных поведенческих войн, концентрированных войн, целью которых является смена ценностных ориентиров человека (Сержантов, 2021: 52). Новые войны, по мнению некоторых исследователей, – это «смесь военных действий, организованной преступности, террористических атак и массированного воздействия

информационно-коммуникационных технологий» (Зарудницкий, 2023: 13). В условиях непрерывного совершенствования оружия массового уничтожения (в том числе ядерного, химического, биологического), а также нарастающего глобального экологического кризиса возникает проблема выживания человека.

Непринятие результатов научно-технической революции, формирование информационного общества, неспособность человека к быстрой адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности приводит к отрицанию государства как института, попытке преодоления глобального модернизма, девиантным формам поведения, в крайних вариантах – агрессивным протестам (исламский фундаментализм, терроризм и др.). Так, например, эсеры считали терроризм «способом самообороны общества от произвола властей» (слова эсера В.М. Чернова, приводимые О.В. Будницким (Будницкий, 2000: 135)).

Сильное государство дает человеку возможность чувствовать себя частью общности, достижения прошлого и настоящего идентифицировать как потенциально свои собственные, но религиозные ценности, политические идеологии, военные союзы – прежде всего легально минимизируют права и свободы отдельного человека. Так, например, после террористических атак 11 сентября 2001 г. «почти половина американцев была согласна смириться с ограничением своих прав и свобод в обмен на снижение риска террористической угрозы на территории США» (Кречетова, Сатаров, 2015: 122). Это относится и к наказанию: виновного предадут смерти не как гражданина, но как врага, если он посягает на законы общественного состояния, становится предателем родины (см.: Руссо, 1998: Кн. II, гл. V).

Единая система образования и медицинского обслуживания, контроль массовой культуры в конечном счете могут

привести к контролю морали, творчества, индивидуальности. В крайних формах это приводит к законодательному запрету идеологически «неверных» научных теорий (в качестве примера можно привести арийскую и еврейскую физику), культуры (запрет публикаций определенных авторов), выражается в насилии над исторической памятью посредством «официальной истории» победившего, запрету идей (сожжению книг, запрету определенных высказываний).

Но как определить, быть уверенным, что легитимная власть законна? Обратимся, например, к судебной системе. Статьи, подразумевающие вариативную ответственность, размер которой определяется правоприменителем, с одной стороны, допускают коррупционную составляющую, с другой – проявляют индивидуальный подход. Более редкие случаи – определение наказания «как среднего арифметического между запросом судьи и прокурора» (см.: Забарин, 2017) с учетом четко определенного перечня смягчающих и отягчающих обстоятельств. В любом случае непрозрачность структуры решения о наказании – это всегда недовольство всей системой правосудия. Недовольные политикой государства в области осуществления легитимного насилия обращаются к опыту других государств, где мы можем наблюдать отнюдь не анархию митингующих или полицейский произвол, а превентивные меры властей, предотвращающие беспорядки. Тактика пресечения массовых беспорядков в западных странах предполагает (см. об этом: Забарин, 2017) территориальные ограничения (то есть территории вблизи места протеста, вход на которые запрещен, либо выделение протестующим строго определенного места) и количественные ограничения (проникнуть и покинуть зону протеста одновременно может ограниченное количество человек). Это практикуется в таких странах, как США, Франция,

Германия, Испания, Канада, Швеция. Осуществляются превентивные меры, такие как арест или ограничение передвижения по стране лидеров и активных протестующих (США, Испания, Канада, Швеция). Также используется тактика «нулевой толерантности», когда органы правопорядка реагируют на любые, даже незначительные нарушения закона. Стандартен набор спецсредств, используемых против протестующих. «Поэтому игры в демократичное применение насилия в отношении участников массовых беспорядков в цивилизованном мире и недемократичное в России – это все знакомые нам двойные стандарты» (Забарин, 2017).

Современное общество все больше склоняется к тому, что важнее и продуктивнее не столько оценивать риски и последствия событий, сколько превентивно предполагать возможности их наступления (Гребенщикова, 2018). «С развитием концепции упреждающего управления связан сдвиг социогуманитарного обеспечения технонаучного развития от оценки рисков и последствий к превентивным установкам» (Гребенщикова, 2018). Превенция информационного насилия необходима в техногенной цивилизации в условиях открытого общества, множества информационных потоков, их пересечения и взаимодействия. Традиционная проблема защиты информации дополняется актуальной проблемой защиты от информации. Возникает новая проблема – незащищенность от глобального информационного насилия из-за отсутствия контроля над все усложняющимися информационными системами. Высокая скорость изменений в техногенно-информационном мире не позволяет выработать адекватные механизмы регулирования управления этими процессами. Взаимоотношения науки и общества характеризуются наличием «нелинейного, “сложностного” характера развития технонауки, что <...> с

необходимостью требует повышения сложности управленческих систем, учитывающих неоднозначность и неопределенность будущего, новые риски и возможности» (Москалев, 2016: 561-562). Необходимо законодательное и добровольное регулирование взаимодействия доступа к информационным системам. Свобода доступа к информации, свобода высказываний не должна превращаться в словесную вседозволенность, учитывая силу влияния информации на ментальное здоровье человека, гражданина.

Сближение различных технологий и развитие новых направлений исследований на небывало ранних стадиях вовлекает общество «в обсуждение перспектив развития технонауки, а вместе с тем зафиксирован переход от модели “наука в обществе” к модели “наука для общества”» (Гребенщикова, 2018). Так, например, открытия в нейронауке, их последствия дают возможность формирования новой области права – нейроправа (Е.Гребенщикова), которое рассматривается как объединение науки, медицины, общества и права. Достижения нейронауки влияют и учитываются областями, далекими от медицины, что позволяет заранее предусмотреть некоторые направления развития исследований в других областях и превентивно оценить риски и возможные последствия.

Цифровая эпоха характеризуется активным развитием, а соответственно, и легитимным применением цифрового права. Активно обсуждаются существующие проблемы цифрового неравенства, проблемы доступа к новым технологиям, сложность или невозможность доступа к электронным услугам разного контингента пользователей (старшего поколения, материально необеспеченных граждан и т. д.), возникают ранее неизвестные формы социальных санкций и ограничений, тотальная система слежения и контроля,

вмешательство в частную жизнь, нарушение прав человека, личности. Поэтому некоторые исследователи отмечают: «Права человека в условиях цифрового левиафана предполагают сдержанную и осторожную позицию общества по отношению к любым технологическим инновациям, а “право на бесцифровую среду” необходимо признать в качестве естественного права» (Овчинников, 2021: 230). На наш взгляд, стремление урегулировать, легитимизировать новые форматы отношений, возникающих в техногенную эпоху, есть не что иное, как стремление власти установить законные, справедливые отношения в обществе.

Следует обратить внимание, что в современном мире информационно-коммуникативные технологии пронизывают все сферы жизнедеятельности общества, несогласованная их работа может привести к серьезным последствиям. К сбою в их функционировании могут привести не только технические (например, компьютерные вирусы, сбои в подаче электроэнергии, отсутствие доступа к навигационным системам), а и социальные факторы (некомпетентность, неорганизованность или халатность при исполнении поставленных задач, отсутствие достаточной и достоверной информации, размытое понятие ответственности), а также преднамеренные действия (атаки хаккеров, кибертерроризм, виртуальное мошенничество). «После аварии на АЭС (атомной электростанции) «Три-Майл Айленд» американский социолог Ч. Перроу предложил термин “нормальная авария”, который обозначает несчастные случаи, катастрофы, вызванные не грубыми просчетами, а человеческой ошибкой, обусловленной его естественным (нормальным) взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами» (Грызунова, 2012: 58), так как «по мере роста сложности управляемой системы точный расчет

необходимых команд, то есть то, на чем строится вся теория управления в технике, становится принципиально невозможным, <...> объект становится неуправляемым» (Грызунова, 2012: 59). «Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними» (Бек, 2007: 152).

Человек, утрачивая контроль, теряет ответственность. Предпринимаются попытки переложить ответственность на технику. «Даже наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры. Тем самым правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением» (Фуко, 1999: 16). «Сегодня экспансия компьютерных технологий “отменила” прежние, сугубо человеческие, формы ответственности (капитан тонул вместе с кораблем и т. п.). В наши дни компьютеризация рождает феномен коллективной безответственности» (Гуревич, 2012: 359), уменьшается роль социального контроля, совести и чувства вины. Компьютерные системы, искусственный интеллект, готовые к обучению и адаптации к внешней среде, способные корректировать свое поведение, приспособляясь к изменяющимся условиям, – это реалии настоящего. Однако владение информационно-коммуникативными технологиями не отменяет ответственности социального решения. За разработку и функционирование технических устройств ответственны конкретные люди, структуры. Человек, ощущая свою новую степень свободы (в том числе и возможность разрушения всего живого, включая себя), приобретенную благодаря техническим достижениям, не должен забывать, что именно он несет ответственность за то, что им было принято решение о предоставлении возможности принятия решений компьютерными системами, именно людьми были разработаны системы искусственного

интеллекта, и пока еще есть возможность регулировать их, используя не только технические достижения, а и социально-философские ресурсы отношения человек – технологии – техника.

Выводы

Новые информационно-коммуникативные технологии преобразуют фундаментальные принципы организации социума. «Принцип политико-правовой легитимности множественной, взаимодополняющей, “контекстуально-лабильной” идентификации, выходящей за пределы государственных границ» (Курганская, Дунаев, 2022: 448) – это составляющая нового межгосударственного политического проекта. Исключая искоренение насилия как социальную иллюзию, обществом предпринимаются попытки заменить его «формами цивилизованными, рациональными, социально приемлемыми и ответственными» (Бабин, 2001: 95).

Легитимная власть регулирует варианты поведения, ограничивает выбор, потенциальные возможности с согласия общества, соблюдая права человека. Техногенное общество, открытость информации способствуют осуществлению контроля как над обществом, так и над властью. К сожалению, нормой человечества становятся соревнования экономического, информационного, милитаристского характера, в результате технологии часто используются против природы и против человека. В настоящем – культура мира – новый тренд и вызов для человечества.

Литература

Арендт, Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.

Бабин, И.А. Геополитика и культура мира как факторы обеспечения безопасности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. 187 с.

Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.

Будницкий, О.В. Терроризм в Российском освободительном движении. М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Визуальное (как) насилие: Сб. науч. тр. / отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 380 с.

Гребенщикова, Е.Г. Социотехнические мнимости технонауки // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 59-67 [Электронный ресурс]. URL:

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1902&Itemid=52 (дата обращения: 10.07.2024).

Грызунова, Е.А. Сравнительный анализ современных социологических подходов к кризисам окружающей среды // Вестник МГИМО. 2012. № 5. С. 195-203.

Гусейнов, А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35-41 [Электронный ресурс]. URL:

<https://guseinov.ru/wp-content/uploads/2020/06/A.A.-Гусейнов.-Понятия-насилия-и-ненасилия.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

Данюк, Н., Фельдман, П. Постправда и фейк-ньюз как феномен новой информационной реальности // Сети 4.0. Управление сложностью: Сб. ст. по материалам междунар. научно-практич. конф., состоявшихся в Москве в 2018–2019 гг. М.: ВЦИОМ, АСИС, 2020. С. 40-51.

Забарин, А.В. Монополия государства на легитимное насилие // Психологическая газета. 03.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/6024/> (дата обращения: 10.07.2024).

Зарудницкий, В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Военная мысль. 2023. № 11. С. 6-15.

Игнатов, А.Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Ч. I: Доиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 132-136.

Кравченко, В.Ю. Распад государства и трансформация политического насилия // Via in tempore. История. Политология. 2014. № 21 (192). С. 165-171.

Кречетова, М.Ю., Сатаров, Г.А. Власть и насилие. Случай России // *Полития*. 2015. № 4 (79). С. 116-139.

Курганская, В.Д., Дунаев, В.Ю., Сагикызы, А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2022. № 4. С. 487-499.

Луман, Н. *Власть*. М.: Праксис, 2001. 256 с.

Москалев, И.Е. Инновационная сложность социальных систем // *Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой*. СПб.: Алетейя, 2016. С. 561-573.

Овчинников, А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 227-230.

Руссо, Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.

Сагикызы, А. «Политика ненасилия» – *contradictio in adjecto* // *Мир Большого Алтая*. 2015. № 1 (2). С. 147-152.

Сержантов, А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // *Военная мысль*. 2021. № 1. С. 45-56.

Федотова, В.Г. Терроризм: попытка концептуализации // *Интелрос – Интеллектуальная Россия* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9909-terrorizm-popytka-konceptualizacii.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Фуко, М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. 500 с.

Черновицкая, Ю.В. Техногенная цивилизация и новые формы неравенства // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2022. Т. 8. № 3. С. 30-46. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3.

Galtung, J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. No. 3. Pp. 167-191.

Helman, G., Ratner, S. Anarchy rules: Saving Failed States // *Foreign Policy*. 1992. Vol. 89. No. 3. P. 4.

National Security Strategy of the United States of America. 2002 // The White House:

President George W. Bush [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 10.07.2024).

References

Arendt, H. (2014), *O nasilii* [On Violence], Transl. by Dashevsky, G., Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Babin, I. A. (2001), “Geopolitics and culture of peace as factors for ensuring security”, Ph.D. Thesis, Stavropol', Russia (in Russ.).

Chernovitskaya, Ju. V. (2022), “Technogenic civilization and new forms of inequality”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 30-46 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3.

Danyuk, N. and Feldman, P. (2020), “Post-truth and fake news as a phenomenon of new information reality”, *Set' 4.0. Upravleniye slozhnostyu: Sbornik statey*. [Network 4.0. Complexity Management: Collection of articles based on materials from international scientific and practical conferences held in Moscow in 2018–2019], 40-51 (in Russ.).

Fedotova, V. G. “Terrorism: An Attempt at Conceptualization”, *Intelros – Intellektual'naya Rossiya* [Intelros – Intellectual Russia] [Online], available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9909-terrorizm-popytka-konceptualizacii.html> (Accessed 10 July 2024) (in Russ.).

Foucault, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la Prison] [Supervise and Punish: The Birth of Prison], Transl. by Naumov, B., Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Galtung, J. (1969), “Violence, Peace, and Peace Research”, *Journal of Peace Research*, 6 (3 (1969)), 167-191.

Grebenshchikova, E. G. (2018), “Sociotechnical imaginaries of technoscience”, *Voprosy filosofii*, 3, 59-67 [Online], available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1902&Itemid=52 (Accessed 10 July 2024) (in Russ.).

Gryzunova, E. A. (2012), “Comparative analysis of modern sociological approaches to environmental crises”, *MGIMO Review of International Relations*, 5, 195-203 (in Russ.).

Guseynov, A. A. (1994), “Concepts of violence and non-violence”, *Voprosy filosofii*, 4,

35-41 [Online], available at: <https://guseinov.ru/wp-content/uploads/2020/06/A.A.-Гусейнов.-Понятия-насилия-и-ненасилия.pdf> Accessed 10 July 2024) (in Russ.).

Helman, G. and Ratner, S. (1992), “Anarchy rules: Saving Failed States”, *Foreign Policy*, 89 (3), 4.

Ignatov, A. N. (2021), “Violence as a fundamental trend in the civilizational development of mankind. Part I: Pre-industrial period”, *Humanities, social-economic and social sciences*, 2, 132-136 (in Russ.).

Kravchenko, V. Yu. (2014), “State Collapse and Transformation of Political Violence”, *Via in tempore. History and political science*, 21 (192), 165-171 (in Russ.).

Krechetova, M. Yu. and Satarov, G. A. (2015), “Power and violence. Russian case”, *Politeia Journal*, 4 (79), 116-139 (in Russ.).

Kurganskaya, V. D., Dunaev, V. Yu. and Sagikyzy, A. (2022), “The phenomenon of identity in the social construction of virtual reality”, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 4, 487-499 (in Russ.).

Luhmann, N. (2001), *Vlast' [Macht] [Power]*, Transl. by Antonovskiy, A., Praxis, Moscow, Russia (in Russ.).

Moskalev, I. E. (2016), “Innovative complexity of social systems”, *Innovatsionnaya slozhnost' [Innovative complexity]*, in Knyazeva, E. N. (ed.), *Aleteya*, Saint Petersburg, Russia, 561-573 (in Russ.).

“National Security Strategy of the United States of America” (2002), *The White House: President George W. Bush* [Online], available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (Accessed 10 July 2024).

Ovchinnikov, A. I. (2021), “Digital Leviathan and human rights: risks of innovation in law and public administration”, *Juridical Techniques*, 15, 227-230 (in Russ.).

Rousseau, J.-J. (1998), *Ob obshhestvennom dogovore [Du contrat social; ou Principes du droit politique. Traités] [On the Social Contract: Treatises]*, KANON-press, Kuchkovo pole, Moscow, Russia (in Russ.).

Sagikyzy, A. (2015), “Policy of nonviolence – contradictio in adjecto”, *World of the Great Altai*, 1 (2), 147-152 (in Russ.).

Serzhantov, A. V. (2021), “Transformation of the content of war: from past to modern”, *Military Thought*, 1, 45-56 (in Russ.).

Weber, M. (1990), *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*, Transl. by Davydov, Yu., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Usmanova, A. R. (ed.) (2007), *Vizualnoe (kak) nasilie: Sb. nauch. trudov [Visual (as) violence: Collection of scientific works]*, European Humanities University Press, Vilnius, Lithuania (in Russ.).

Zabarin, A. V. (2017), “State monopoly on legitimate violence”, *Psikhologicheskaya gazeta. 03.04.2017* [Psychological newspaper. 3 April 2017]. [Online], available at: <https://psy.su/feed/6024/> (Accessed 10.07.2024) (in Russ.).

Zarudnitskiy, V. B. (2023), “Modern military conflicts in the context of the formation of a new geopolitical picture of the world”, *Military Thought*, 11, 6-15 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Черновицкая Юлия Вячеславовна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; juchische@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yuliya V. Chernovitskaya, PhD in Philosophy, Research Fellow, Department of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; juchische@rambler.ru